

Четвертый блиндаж — эпизод 6 из 7

Слышно было, как Нюрка шмыгнула носом. Она провела рукой по лицу, насухо вытирая остатки слез, потом облизала губы и запела тоненьким, еще немного прерывающимся голосом:

Ушел казак на войну,
Бросил дома он жену.
Бросил свою деточку,
Дочку-малолеточку.

— Ну, пойте последние слова: «Бросил свою деточку», — подсказала Нюрка.

И когда Колька с Васькой пропели, то Нюрка еще звончее и спокойнее продолжала:

С той поры прошли года,
Прошли, прокатились,
Все казаки по домам
Давно воротились.
Только нету одного,
Всеми позабытого,
Казачонка моего —
И-э-эх! — давно убитого...

Нюрка забирала все звончее и звончее, а Колька с Васькой дружно подпевали обыкновенными голосами. И только когда наверху грохало уж очень сильно, то голоса всех троих чуть вздрагивали, но песня все же, не обрываясь, шла своим чередом.

— Хорошая песня, — похвалил Колька, когда они кончили петь. — Я люблю такие песни, чтобы про войну и про героев. Хорошая песня, только что-то печальная.

— Это мамина песня, — объяснила Нюрка. — Когда у нас на войне папу убили, вот она такую песню все и пела.

— А разве у тебя, Нюрка, отец казак был?

— Казак. Только он не простой казак был, а красный казак. То всё были белые казаки, а он был красный казак. Вот его за это белые казаки и зарубили. Когда

я совсем маленькая была, то мы далеко — на Кубани — жили. Потом, когда папу убили, мы сюда, к дяде Федору, на завод приехали.

— Его на войне убили?

— На войне. Мать рассказывала, что он был в каком-то отряде. И вот говорит один раз начальник отцу и еще одному казаку: «Вот вам пакет. Скачите в станицу Усть-Медведицкую, пусть нам помощь подадут». Скадут отец да еще один казак. Уже и кони у них устали, а до Усть-Медведицкой все еще далеко. И вдруг заметили их белые казаки и пустились за ними вдогонку. У белых казаков лошади свежие, того и гляди, догонят. Тогда отец и говорит еще одному казаку: «На тебе, Федор, пакет и скачи дальше, а я возле мостика останусь». Слез с коня возле мостика, лег и начал стрелять в белых казаков. Долго стрелял, до тех пор, пока не пробрались казаки сбоку, через брод. Тут они и зарубили его. А Федор — этот другой-то казак — в это время далеко уже ускакал с пакетом, так и не догнали его. Вот какой у меня папа казак был! — докончила рассказ Нюрка.

Сильный грохот заставил вскрикнуть ребятишек. Должно быть, ветром распахнуло верхнюю дверь, и раскаты взрывов ворвались в погреб.

— Колька... зак-к-рой! — заикаясь, закричал Васька.

— Закрой сам, — ответил Колька. — Я уже закрывал.

— Закрой, Колька! — громко расплакавшись, повторил Васька.

— Эх, ты! — неожиданно вставая, крикнула возбужденная своим же рассказом Нюрка. — Эх, вы... — Она отбросила Васькину руку, добралась до верхней двери, захлопнула ее и задвинула на запор.

Гул смолк.

Опять замолчали. И так сидели долго. До тех пор, пока Колька, который чувствовал себя виноватым и перед маленьким Васькой и перед Нюркой, не сказал:

— А ведь наверху-то больше не стреляют.

Прислушались — наверху тихо. Подождали еще минут десять — так же тихо.

— Бежим домой! — вскакивая, крикнул Колька.

— Домой, домой! — обрадовался Васька. — Вставай, Нюрка!

— Я боюсь... — захныкала Нюрка. — А вдруг опять...

— Бежим! Бежим! — в один голос закричали Колька и Васька. — Не бойся, мы как припустимся...

Выбрались наверх. После черного подвала день показался сияющим, как само солнце.